

МЕЛЬНИЦА В КОЗЕЛЬБРУХЕ

В дни между Новым годом и Крещением, которые издавна называются в народе «Праздником трёх королей-волхвов», Крабат, мальчик четырнадцати лет от роду, вместе с двумя другими вендскими¹ мальчишками бродил по саксонским дорогам. Конечно, его светлость курфюрст Саксонии под страхом наказания запретил попрошайничество и бродяжничество в своих землях, но судьи и прочие должностные лица, к счастью, не слишком рьяно выполняли этот указ. В облике трёх королей-волхвов мальчики ходили по округе Хойерсверды, перебираясь из деревни в деревню. Соломенные венки поверх шапок изображали королевские короны. Весёлый малыш Лобош из Маукендорфа был королём мавров. Каждое утро он вымазывал себе лицо печной сажей и гордо нёс впереди ребят Вифлеемскую звезду, которую Крабат прибил к длинному шесту.

Зайдя в какой-нибудь двор, мальчики ставили Лобоша в центр и пели: «Осанна Сыну Давидову!» Впрочем, Крабат лишь беззвучно

---

¹ В е́нды — средневековое германское собирательное название всех соседних немцам славян.

шевелил губами, потому что у него как раз ломался голос. Зато остальные «величества» старались петь погромче, и его шёпот не был заметен.

Многие крестьяне под Новый год резали свиней и потому щедро одаривали волхвов колбасой и салом. В подставленные мешки летели также яблоки, орехи и печёные сливы, иногда — медовый хлеб и пирожки со смальцем, анисовые лепёшки и звёздочки с корицей. «Год начинается хорошо, — заметил Лобош на третий вечер, — пусть так продолжается и до следующего Нового года!» Оба других величества одновременно кивнули и вздохнули: «Мы были бы только рады!»

Следующую ночь они провели на сеновале в кузнице Петерсхайна, где Крабату впервые приснился странный сон.

Одиннадцать воронов сидели на шесте и смотрели на него. Одно место на шесте слева было свободно. Затем послышался хриплый голос — казалось, он исходил из воздуха, издалека, и звал его по имени. Мальчик не смел ответить. «Крабат!» — прозвучало во второй раз и в третий раз: «Крабат!» Затем голос сказал: «Приходи в Шварцкольм на мельницу, это не причинит тебе вреда!» Вороны взмыли с шеста и прокаркали: «Повинуйся Мастеру, повинуйся!»

От этого Крабат проснулся. «Чего только не приснится!» — подумал он, перевернулся на другой бок и снова заснул. На следующий день они двинулись дальше, и, вспоминая воронов, Крабат тихонько посмеивался.

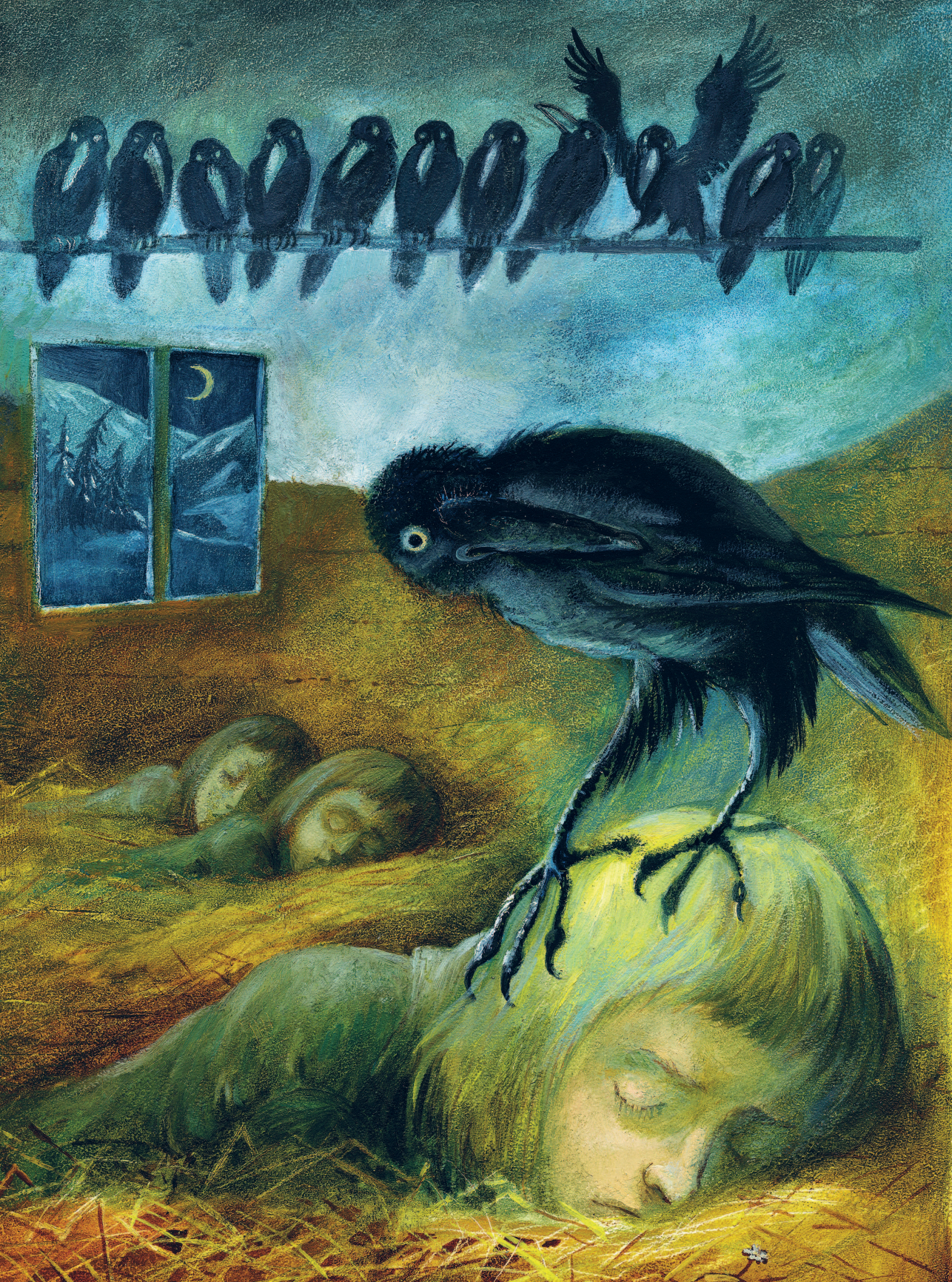
Но странный сон повторился и на следующую ночь. Голос снова позвал его по имени, и вновь раздалось карканье воронов: «Повинуйся Мастеру!» Это заставило Крабата призадуматься. Наутро он спросил крестьянина, у которого они ночевали, знает ли он деревню под названием Шварцкольм или что-то в этом роде.

Крестьянин призадумался.

— Шварцкольм... — размышлял он. — Да ведь это в Хойерсвердском лесу, по дороге в Лейппе: вроде там есть деревня с таким названием.

Вечером трое волхвов остановились на ночлег в Гросс-Партвице. И снова Крабату приснились вороны и странный голос,

звучащий ниоткуда, и всё повторилось так же, как и в первый, и во второй раз.

Крабат решил. На рассвете, пока товарищи ещё спали, он, крадучись, выбрался из сарая. У ворот ему встретилась служанка Магда, направлявшаяся к колодезю. Крабат окликнул её:

— Магда, передай от меня поклон моим друзьям и скажи, что мне пришлось срочно уйти по очень важному делу.

Пробираясь от деревни к деревне, Крабат всюду расспрашивал про Шварцкольм. Ветер швырял ему в лицо охапки снега, через каждые несколько шагов приходилось останавливаться и протирать глаза. В лесу за Хойерсвердой Крабат заблудился и битых два часа потратил на то, чтобы снова найти дорогу в Лейппе. В нужное место он добрёл только к вечеру.

Шварцкольм был обычной лужицкой¹ деревней — такой же, как и многие другие. По обе стороны дороги длинными рядами

тянулись дома и сараи, заваленные снегом; над крышами поднимались клубы дыма; на задворках дымились кучи навоза и слышался рёв скота. По утиному пруду с громкими криками катались на коньках дети.

Крабат огляделся, пытаясь найти мельницу, и заметил бредущего по улице старика с вязанкой хвороста. Он обратился с вопросом, но услышал в ответ:

— У нас в деревне мельницы нет.

— А по соседству?

— Если ты это имеешь в виду... — старик указал большим пальцем через плечо. — Там, в Козельбрухе, у Чёрной Реки, есть одна. Но...

---

¹ Лужи́чане — западнославянский народ.

Он запнулся на полуслове, как будто уже сказал слишком много. Крабат поблагодарил и направился туда, куда указал старик. Через несколько шагов кто-то дёрнул его за рукав. Он оглянулся и увидел того же старика с вязанкой хвороста.

— Что случилось? — спросил Крабат.

Старик подступил ближе и испуганно прошептал:

— Хочу предупредить тебя, парень... Держись подальше от Козельбруха и мельницы у Чёрной Реки, там водится нечисть...

На мгновение Крабат заколебался, но потом, едва кивнув старику, решительно пошёл своей дорогой.

Быстро темнело, мороз становился всё крепче. Приходилось то и дело присматриваться, чтобы не сбиться с пути. Оглянувшись, Крабат увидел далеко позади тусклые, мерцающие огоньки деревни.

Не разумнее ли будет повернуть обратно?

— Вот глупости, — буркнул Крабат, поднимая воротник. — Разве я маленький мальчик? За просмотр денег не берут.

Часть пути через лес Крабат прошёл на ощупь, как слепой в тумане, потом наткнулся на прогалину. Когда он вышел из-из деревьев, тучи раздвинулись, показалась луна, заливая окрестности холодным светом.

Теперь Крабат видел мельницу.

Она возвышалась прямо перед ним: утонувшая в снегу, тёмная, зловещая, словно могучий, злобный зверь, подстерегающий добычу.

«Никто не заставляет меня идти туда», — подумал Крабат. Он прогнал остатки страха, собрался с духом, вышел из лесной тени и отважно подошёл к мельнице. Входная дверь была закрыта.

Он постучал раз, второй. Изнутри не доносилось ни звука. Не залаяла собака, не заскрипела лестница, не звякнула связка ключей. Ничего. Крабат постучал в третий раз так, что у него заболели косточки пальцев.

На мельнице по-прежнему было тихо. Крабат потянул дверную ручку, и дверь открылась. Он вошёл внутрь. Внутри царили гробовая тишина и глубокая тьма. Однако в самом конце коридора мерцал слабый свет — казалось, просто отблеск мертвенного света луны.

«Там, где есть свет, будут и люди», — сказал сам себе Крабат.

Вытянув руки, он осторожно двинулся вперёд. Свет становился ближе. Оказалось, он проникал сквозь дверную щель в дальнем конце коридора. Мальчика охватило любопытство. Он на цыпочках подкрался к щели и заглянул внутрь.

Его взгляду открылась чёрная каморка, освещённая пламенем единственной свечи красного цвета. Подсвечником служил череп, лежащий на столе посреди каморки.

За столом сидел грузный мужчина в тёмной одежде с очень бледным, словно вымазанным известью лицом; чёрная повязка закрывала его левый глаз. Перед ним на столе лежала толстая книга в кожаном переплёте.

Мужчина читал. Но вдруг он поднял голову и уставился поверх книги на дверь, словно обнаружив за ней Крабата. От его пронзительного взгляда у мальчика заслезились глаза, и всё в каморке потеряло чёткие очертания.

Крабат протёр глаза, и в это мгновение на его плечо опустилась тяжёлая рука. Ледяной холод проник сквозь куртку и рубашку, а над головой раздался хриплый, каркающий голос:

— Вот ты где!

Крабат вздрогнул: этот голос был ему знаком. Напротив него стоял мужчина с повязкой на глазу.

Как он сюда попал? Через дверь он точно не выходил.

Мужчина держал в руке горящую свечу. Он внимательно осмотрел Крабата, потом выдвинул вперёд подбородок и сказал:

— Я Мастер. Мне нужен ученик, и ты можешь им стать. Тебе ведь это интересно?

— Мне интересно, — услышал Крабат свой ответ. Его голос звучал странно, словно чужой.

— Чему тебя учить: просто работать на мельнице... или *всему остальному*? — продолжал допытываться Мастер.

— Всему остальному тоже, — сказал Крабат.

Мельник протянул ему левую руку.

— Держи пять!

Крабат пожал ему руку, и в то же мгновение в доме раздался глухой грохот и рёв. Казалось, он исходил из самых недр земли. Пол качнулся под ногами, стены задрожали, балки и столбы содрогнулись.

Крабат вскрикнул, хотел убежать: прочь, прочь отсюда! — но Мастер преградил ему дорогу.

— Мельница! — крикнул он, сложив руки лодочкой. — Она замолела!

ОДИННАДЦАТЬ И ОДИН

Мастер подал Крабату знак следовать за ним. Безмолвно, освещая путь, он вёл мальчика по крутой деревянной лестнице на чердак, где у мельников была спальня. В свете свечи Крабат разглядел двенадцать низких нар с соломенными тюфяками: шесть по одну сторону центрального прохода, шесть по другую. Рядом с каждой постелью стояли шкафчик и табурет из еловых досок. На тюфяках лежали смятые одеяла, в проходе валялись перевернутые табуреты, в беспорядке были разбросаны рубашки и портянки.

Судя по всему, мельники-подмастерья собирались на работу в большой спешке.

Только одно спальное место было нетронутым. Мастер указал на свёрток с одеждой в изножье нар:

— Вот твои вещи!

Затем повернулся и ушёл, унося с собой свечу.

Крабат остался один в темноте. Он начал медленно раздеваться и, снимая шапку, кончиками пальцев коснулся соломенного венка.

Ах, да, ведь ещё вчера он был королём-волхвом... Как же давно это было!

От грохота и стука работающей мельницы чердак ходил ходунном. Но Крабат валился с ног от усталости и, едва опустившись на соломенную постель, заснул как убитый.

Его разбудил слабый свет фонаря, упавший на глаза. Крабат сел в постели и застыл от ужаса. Над ним склонились одиннадцать белых фигур: белая одежда, белые лица, белые руки...

— Кто вы? — испуганно спросил мальчик.

— Мы те, кем и ты тоже станешь, — ответил один из «призраков».

— Не бойся, мы не сделаем тебе ничего плохого, — перебил второй. — Мы подмастерья на мельнице.

— Сколько вас?

— Было одиннадцать, теперь с тобой двенадцать. Как тебя зовут?

— Крабат. А тебя?

— Я Тонда, старший подмастерье. Я здесь дольше остальных, можно сказать, старожил. Это Михал, это Мертен, это Юро...

Тонда назвал поочередно имена всех юношей, а потом добавил:

— Спи, Крабат, тебе ещё понадобятся силы.

Мальчики улеглись на свои нары и сразу захрапели.

К завтраку подмастерья спустились в кухню. Двенадцать человек уселись за длинный деревянный стол, на котором стояли миски с густой, дымящейся овсяной кашей — по миске на четверых. Крабат был голоден и принялся уплетать кашу за обе щеки. Что ж, если обед и ужин тут не хуже завтрака, то на мельнице вполне можно жить.

Старожил Тонда был видным парнем с густыми седыми волосами; однако, судя по лицу, ему не исполнилось ещё и тридцати лет. От Тонды исходила глубокая серьёзность, точнее, её излучали его глаза. Крабату он с первого дня внушил доверие; его самообладание и дружелюбная манера располагали к нему.

— Надеюсь, мы не слишком сильно напугали тебя этой ночью? — обратился Тонда к мальчику.

— Не слишком, — подтвердил Крабат.

При свете дня ночные «призраки» оказались обычными парнями, как тысячи других. Все одиннадцать говорили по-серболужицки и были на несколько лет старше Крабата. Ему показалось, что они смотрели на него с затаённым сочувствием. Это его удивило.

Он попытался отогнать сомнения, но вдруг вспомнил про одежду, которую обнаружил утром на своих нарах. Вещи, хоть и заметно поношенные, подошли ему по размеру так, словно были скрое- ны для него.

— А кому эта одежда принадлежала раньше? — спросил Крабат и осёкся.

Подмастерья опустили ложки и печально смотрели на него.

— Я сказал какую-то глупость? — смущённо пробормотал Крабат.

— Нет, нет, — ответил Тонда. — Вещи... Они остались от твоего предше- ственника.

— И что с ним? Почему его здесь нет? Он что, закончил учиться?

— Да, он закончил учиться, — ска- зал Тонда.

В это мгновение дверь распахнулась и вошёл Мастер. Он явно был разгневан, и подмастерья, затаив дыхание, пригнулись к столу.

— Хватит болтать! — рявкнул Мастер и, устремив взгляд един- ственного глаза на Крабата, добавил: — Кто много спрашивает, тот много заблуждается. Повтори!

Крабат пробормотал:

— Кто много спрашивает, тот много заблуждается...

— Заруби себе это на носу!

Мастер вышел из кухни, и — бах! — дверь с грохотом закры- лась за ним на замок.

Ребята вновь принялись черпать ложками кашу, но Крабат вне- запно понял, что сыт. В недоумении он уставился на столешницу. Никто не обращал на него внимания. Или обращал?

Когда он поднял глаза, Тонда посмотрел на него и кивнул — правда, едва заметно, но мальчик был благодарен ему за это. На этой странной мельнице Крабату очень нужен был друг.

После завтрака подмастерья приступили к работе, Крабат вместе с остальными вышел из кухни. В коридоре стоял Мастер. Махнув мальчику рукой, он приказал:

— Ступай за мной.

Крабат последовал за мельником на улицу. Светило солнце, было безветренно и морозно, на деревьях пушился иней. Мастер провёл его за мельницу, к маленькой двери в задней стене. За дверью оказалась мучная камера — небольшое помещение с низким потолком и двумя крошечными окошками, залепленными мучной пылью. Мучная пыль покрывала пол и стены, а на толстой балке под потолком её слой был в палец толщиной.

— Вымети здесь! — приказал Мастер, кивнув на метлу возле двери, и ушёл.

Крабат принялся было за работу, но после нескольких взмахов метлы каморку окутало густое облако мучной пыли.

«Так дело не пойдёт, — подумал Крабат. — Пока я здесь мету, в том углу пыль оседает, а перейду туда — здесь всё будет забито. Надо бы открыть окно».

Но окна были заколочены снаружи, а дверь заперта. Напрасно Крабат колотил в неё кулаками — никто не спешил ему помочь.

Крабат взмок. Мучная пыль покрывала его волосы и ресницы, щекотала в носу, царапала в горле. Это было похоже на нескончаемый дурной сон: повсюду густые клубы мучной пыли, словно туман или метель.

Мальчику было трудно дышать, голова кружилась. Ослеплённый пылью, он стукнулся лбом о балку и остановился. Может быть, пора сдаться?

Но что скажет Мастер, если он сейчас отложит в сторону метлу? Крабат не хотел попасть в немилость — ещё и потому, что боялся лишиться хорошей еды. И он через силу продолжал взмахивать

метлой: от двери к окну и обратно, от окна к двери, без передышки, час за часом.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем дверь распахнулась. Тонда!

— Выходи! — крикнул он. — Обед!

Мальчик не заставил себя уговаривать. Пошатываясь, с трудом переводя дыхание, он выбрался наружу. Старожил окинул взглядом мучную камеру и негромко сказал, пожав плечами:

— Пусть всё идёт своим чередом, Крабат. Поначалу здесь никому не бывает легко.

Пробормотав несколько непонятных слов, он что-то начертил в воздухе рукой. В камеру словно ворвался вихрь. Белая пыль свилась в густой столб, вылетела из двери и устремилась в сторону леса.

Камерка была выметена начисто, до последней пылинки. Крабат вытаращил глаза от изумления.

— Как ты это сделал?

Тонда, словно не расслышав вопроса, сказал:

— Пойдём в дом, Крабат, суп стынет.

